

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА

От Рима до Византии

Чтобы хорошо понимать историю искусства, нужно знать, как произошел переход от искусства античного, от искусства римского к искусству христианскому. И всегда нужно понимать, сколько по протяженности во времени длилась культура каждого из этих государств. История Древнего Рима насчитывает примерно тысячу лет. То есть это такая глобальная, большая история. Но история Византии не менее глобальная. Она тоже насчитывает тысячу лет. Мы знаем, что Рим пал под натиском варваров. И кто такие были эти варвары? Это были германские народы – совершенно разные этнически и культурно. Но, тем не менее, это были те народы, которые никогда не входили в состав Римской империи. Их искусство соединяется с христианским искусством, которое тоже зарождается в недрах Римской империи, и все это образует такой удивительный синтез, который потом будет называться западноевропейским искусством.

А вот Византия, как ни странно, останется хранительницей и продолжательницей античной традиции. Хотя на первый взгляд кажется, что Византия и Рим – это два абсолютно противоположных крыла в искусстве. Это сложный для понимания переход, поэтому Эрнст Гомбрих в своей книге уделяет такое большое внимание именно вот этим неоднозначным временам.

Мы начнем с искусства поздней Римской империи, потому что мы должны понять, что интересного было создано в это время и почему империя все-таки была разрушена. В прошлый раз, когда мы с вами говорили про римское искусство, мы отметили, что все самое интересное, самое высокое, самое величественное было создано именно в эпоху Римской империи, а не Римской республики. Особенно в эпоху поздней Римской империи. В прошлый раз мы с вами посмотрели Колизей – этот грандиозный цирк, самый большой цирк в мире. В этой лекции мы поговорим про колонну Траяна, арку Септимия Севера, термы Каракаллы и Пантеон.

Но сначала колонна Траяна. Мы видим, что колонна как украшение площади в Риме возникла не случайно. Она очень похожа на обелиск, а обелиски римляне могли видеть в Египте. Как мы помним, Египет был провинцией Римской империи, как и Греция. Римское искусство было таким сильным, таким масштабным проектом еще и потому, что оно впитало в себя искусство всех своих провинций и обогатило себя этим искусством.

Кто такой был император Траян? Это был император поздней Римской империи, который прославился своим походом в Дакию – это современная Румыния. Когда он вернулся из этого похода, он захотел, как и многие императоры до него, запечатлеть это событие, чтобы оно навсегда осталось в истории. И он придумал запечатлеть это событие в виде рельефа на колонне. Колонна эта очень большая, тридцатиметровая, монолитная. Она вся покрыта таким свитком, на котором рельефно и очень подробно изображено все повествование о походе императора. Это похоже на кинохронику, на документальный фильм. Сам император Траян в этом свитке изображается более трехсот раз. Интересен такой эпизод: когда император Траян понял, что невозможно в достаточной степени рассмотреть весь рельеф снизу, что эта колонна очень высокая, то тогда он построил рядом с колонной библиотеку с плоской крышей. Поднимаясь на эту крышу, зрители все-таки могли окончательно рассмотреть и понять все, что изображено наверху. Сейчас мы видим крупным планом рельеф колонны Траяна. Мы понимаем, что в нем, конечно, нет той величественности, той героики, которую мы видели в рельефах Древней Греции или в эллинистических рельефах Пергамского алтаря. Но это как бы такое документальное повествование, которое должно было показать наяву всем римлянам, какой трудный это был поход, и какой он был победный. Это аналог нашего документального кино. Сам император Траян как раз похоронен в цоколе этой колонны. И поэтому не случайно, что именно статуя Траяна венчает эту колонну.

Из памятников Древнего Рима все-таки самым выдающимся после Колизея является Пантеон. Это слово мы с вами знаем и сегодня. Мы замечаем, что очень многие греческие слова живут в нашем современном языке. Точно так же и многие римские, латинские слова обосновались в нашем языке. Например, как слово «форум», о котором мы говорили в нашей первой лекции про Рим.

Пантеон в Риме – это храм всех богов. Когда ты смотришь на это здание, ты понимаешь, насколько многоликой была римская культура, насколько Рим был многоязыким, мульти-

культурным. Ведь Римская империя – это самая большая империя Древнего мира, которая включала в себя буквально все народы, все страны, известные на тот момент. И она была удивительно либеральной. В религиозном и культурном смысле. Потому что в храме всех богов Пантеоне могли стоять скульптуры разных богов – зороастрийских, египетских звероликих богов, греческих, римских. Единственное, что было запрещено в Римской империи – это христианство. Христианство, которое сначала родилось как легенда о спасителе в маленькой провинции большой Римской империи – в Иудее. Про это мы поговорим чуть позже, а пока давайте остановим свое внимание на Пантеоне. Пантеон – это абсолютно совершенное в архитектурном смысле сооружение. Это купольное строение – самое сложное в архитектуре. Мы с вами знаем, что первым большим купольным сооружением уже христианского мира будет Айя София, Святая София в Константинополе. Так вот, Пантеон построен значительно раньше – на несколько сотен лет раньше, чем Айя София.

Что мы здесь видим? В пантеоне мы видим соединение двух разных стилей – греческого и римского. В классическом греческом стиле в Пантеоне представлен фронто́н – портал, украшенный колоннами. Мы видим ордерную систему. Но если мы сравним римскую колонну Пантеона и греческую колонну, например, из афинского Акрополя, то мы сразу заметим разницу в размерах. Потому что римляне, хотя они заимствуют греческую архитектурную систему, но они гораздо больше любят масштабность, грандиозность, театральность. Поэтому римская колонна всегда в два раза выше греческой. Кроме того, римские колонны гладкие. Это тосканский ордер – гладкая колонна, которая не предполагает своим прототипом человека. А греческая колонна, мы с вами говорили об этом, это фигура человека. Именно поэтому вместо греческой колонны можно представить куруса или кору. А римская колонна – это образ толпы.

Самое интересное в Пантеоне – это, конечно, его купол. Этот купол практически монолитный. Почему? Потому что к этому времени римляне еще не умели строить купольную систему, возводить такой совершенный купол, как в Святой Софии. Поэтому этот купол опирается на стену. Как вы заметили, Пантеон – это почти монолитный цилиндр, и по бокам у него нет окошек, потому что стена несущая, и поэтому ее нельзя разделять окошками, нельзя ее дробить. Поэтому стена Пантеона в некоторых местах достигает 9 метров. Это абсолютный монолит. Кстати, здесь применяется бетон. Бетон – тоже чисто римское изобретение. Дело в том, что в Риме есть хороший строительный материал – вулканический пепел, ведь Италия – страна вулканов.

Чтобы этот купол не выглядел скучным, монотонным, внутри его украшают кессоны. Это такие уменьшающиеся квадраты, которые как раз создают перспективу к небу. Единственным источником света в Пантеоне является окулос – глаз Пантеона. Это огромное окно – его диаметр 9 метров, а диаметр Пантеона 30 метров. И это окно не застекленное, таким оно остается и сегодня. Именно через это окно в здание попадает свет. Для европейцев такое освещение непривычно. Это мы с вами, живя в Казахстане, привыкли к такому освещению, потому что на самом деле это похоже на шанырак, на верхнее освещение, которое всегда было в юрте. Но для европейского глаза такое освещение – не боковое, а верхнее – совершенно непривычно. Оно, конечно, рождает ощущение космоса, присутствие неба прямо здесь. Пантеон – это соединение величественной классики, соразмерности, гармонии, то есть всего лучшего, что открыли греческие и римские архитекторы.

Конечно, когда-то перед Пантеоном была большая площадь. Потому что такое большое здание требует пространства, требует дистанции. Сегодня все застроено, и Пантеон открывается нам как-то сразу, внезапно. Но от этого он не теряет своей красоты. Купол Пантеона похож на купол неба. Именно этого сходства и добивались римские строители. И поэтому Пантеон поражает нас своей ясностью, гармонией, величественностью. Это одно из лучших творений человеческой архитектуры.

В эпоху поздней Римской империи, кроме Пантеона, арки Тита и колонны Траяна, существовал еще рынок Траяна. Может быть, в архитектурном смысле это не самое интересное сооружение, но в идейном, концептуальном смысле оно очень важное. Потому что рынок Траяна объединял под одной крышей очень много разных магазинчиков, отдельных торговых лавок. Это прототип нашего торгового молла. И у римлян он тоже был таким общественным центром города, где все любили собираться и встречаться.

В Риме много форумов. Самый первый форум – Романский, Римский. Он был самым древним, и от него сегодня почти ничего не сохранилось. Но почти у каждого императора был свой форум. Форум Траяна как раз отличался особой организованностью, особой торжественностью.

В поздней Римской империи искусство приобретает все большую пышность, и произведения отличаются все большей сложностью, иногда даже перегруженностью деталями. Например, мы видим это в арке Септимия Севера. Это тот самый император, который будет отцом Каракаллы, воинственного императора-победителя. Арка Септимия Севера интересна нам еще и потому, что она предвосхищает собой Золотые ворота Византии, которые будут украшать сначала Константинополь, а потом и все другие христианские города.

Мы видим, что арка Септимия Севера трехчастная. Она делится на три части, и самая верхняя ее арка самая большая и высокая. Как раз она и предназначалась для того, чтобы под ней проезжал император на коне. А все остальные участники свиты должны были проезжать под боковыми арками. Арка Септимия Севера создана по римским принципам создания красоты и организации пространства, но все-таки в ней уже чувствуется новое, другое, христианское, восточное, будущее искусство.

Если Септимий Север остался в истории благодаря своей арке, то его сын Каракалла прославился благодаря вот этой постройке, которая называется термы Каракаллы. Это один из первых спа-салонов. Вообще, бани, как и цирки Древнего Рима – это то, что знает практически любой человек. Термы Каракаллы – это прототип наших спа-салонов, но только очень большой. В этих банях одновременно могло находиться около десяти тысяч человек. И здесь были не только бани и бассейны, здесь была и библиотека, здесь было и место для медитации, для бесед, для пиров, то есть это такое место для наслаждений. Римляне обожали бани, и именно здесь как бы исчезало социальное неравенство. Конечно, за богатым римлянином помощник носил одежду и вообще всячески ему служивал. Но зато небогатый, но молодой римлянин мог выглядеть здесь гораздо красивее, чем патриций, который был отягощен неправильной фигурой.

В поздней Римской империи меняется и скульптурный портрет. Мы уже говорили о том, что скульптурный портрет – это удивительное явление именно римского искусства. Потому что греки не нуждались в портретах, они изображали идеал, эталон красоты. Поэтому они чаще всего нивелировали индивидуальность, приводили все к общему знаменателю. А вот римляне фиксировали свое внимание как раз на характере человека, на его индивидуальности. Портреты эпохи Нерона, Тиберия и Калигулы отличались психологизмом, они не были похожи на парадные портреты. Мы с вами видели портреты Нерона и Сенеки, и нам были понятны характеры этих исторических персонажей, запечатленные гениальным неизвестным скульптором. Так вот, портреты поздней Римской империи, наоборот, отличаются своей упрощенностью и уходом в примитивную пластику. Почему это происходит? Потому что меняется время, и в последние века Римской империи, в IV и III веках, к власти приходят совсем другие императоры. Не императоры-аристократы, а императоры-воины. Эти императоры иногда не могут даже читать и писать. Интересно, что некоторые из них происходят как раз из тех самых варваров, которые потом разрушат Римскую империю. Например, Филипп Араб, Максимиан Трапиец, Требониан Галл – перед нами примеры портретов этих императоров.

Один из самых интересных персонажей поздней Римской империи – это император Константин, который как раз и произведет эту важную реформу, важное действие – он перенесет столицу Римской империи. Это произойдет в начале IV века. Столица Римской империи будет перенесена в город Константинополь. Конечно, Константинополь не рождается на пустом месте. На самом деле, исторически там всегда была греческая колония Византий. В удивительном, очень удобном месте на Босфоре, где сходятся все торговые пути. Именно это географическое расположение обеспечит будущую славу Византии и ее будущее процветание.

Император Константин сам еще не был христианином, он верил в Юпитера. Но его супруга уже была христианка. И вот он переносит столицу Римской империи совершенно в другое место. Почему он это делает? Это происходит потому, что он чувствует распад Римской империи, он уже чувствует приближение ее конца. Он чувствует, что та мораль, та культура, которая была создана в Риме, изжила себя. И главным образом падение империи происходит потому, что исчезает мораль. Сформировалось удивительно высокомерное отношение к труду и крайне

презрительное отношение к человеку. В последние годы этой эпохи римский историк пишет, что килограмм рыбы стоит дороже, чем жизнь раба. Все это подточило Римскую империю изнутри. Поэтому, можно сказать, что ее разрушили не варвары снаружи, а она просто была разрушена изнутри вот этим порождением вечного наслаждения, чрезмерного богатства, неумением видеть главного, отрицанием духовных ценностей. Потому что хотя нам и кажется, что эти ценности эфемерны, на самом деле именно на них стоит наш мир, а вовсе не на экономике.

Арка Константина, конечно, похожа на арку Септимия Севера. Но только она построена в еще более торжественном, более величественном, более условном стиле. Особенно меня удивляют поздние скульптуры императора Константина. Потому что эти скульптуры уже сделаны как бы в противовес всему скульптурному портрету, который был создан в Древнем Риме. Мы видим, во-первых, огромные размеры, во-вторых, упрощенные формы. Мы видим как бы уход от реализма, уход от характера. Глядя на такой портрет Константина, мы не сможем представить, каким он был человеком. Но зато мы сразу понимаем, что он был императором и лидером. Вот это внутреннее становится важнее внешнего.

Перед византийскими художниками встанет совершенно другая задача, чем та, которая была у античных художников. Им нужно будет изобразить неизобразимое. Искусство Византии, на самом деле, гораздо более сложное, чем искусство античное. Потому что оно зашифрованное, потому что оно условное, потому что перед византийскими художниками стоят совершенно другие задачи.

Но прежде чем говорить про искусство Византии, мне хочется хотя бы два слова сказать про христианское искусство, которое развивается в недрах Римской империи. Прежде всего это фаюмские портреты. Фаюм – это египетский город эпохи Римской империи. И поэтому в нем соединяются египетские и античные традиции. По египетским традициям, лицо умершего человека положено накрывать. В эти времена лица закрывают не золотой маской, а вот таким портретом, нарисованным на доске. Эти портреты написаны в технике энкаустики. Это удивительная техника, забытая сегодня – письмо горячими красками, созданными на восковой основе. Прежде чем писать, художнику надо было их растопить. И поэтому энкаустика имеет очень яркую тональность. Это всегда такие насыщенные цвета, как бы гиперреалистические. Фаюмские портреты всегда отличаются некой иррациональностью. В них впервые появляется такой золотой или белый фон, абсолютно однотонный, который мы потом увидим на фонах византийских икон. Так вот, такой золотой фон сразу говорил любому зрителю, что портрет этого человека находится не в нашем земном пространстве, что сам этот человек находится сейчас не в земном пространстве, что это портрет человека, уже ушедшего. Поэтому здесь нет пространства и нет времени. Очень многие черты фаюмских портретов потом продолжатся уже в византийских иконах.

Что касается византийских икон, то надо понимать, что иконопись прошла очень длинный, почти 800-летний путь, и за это время случалось всякое. В том числе был период иконоборчества, когда кто-то из христиан воспринимал иконы как священный предмет, а другие воспринимали их как идолов. Именно поэтому вот такое длительное сопротивление рождало канон – неизменное правило, очень строгое. Поэтому каноны византийской живописи были гораздо более строгими, чем каноны египетской живописи. Или, по крайней мере, они были сопоставимые с ними.

Когда христианство только родилось в недрах Римской империи, то первым христианам приходилось скрываться. Первые 300 лет Римской империи – это, конечно, гонения на христиан. Это казнь 40 000 мучеников, в которой участвовал Нерон. Говорят, когда были выстроены кресты вдоль Аппиевой дороги, на этих крестах были распяты первые христиане. Они были обернуты пергаментом, и сам Нерон, проходя по Аппиевой дороге, поджигал эти живые факелы, желая, чтобы у него появилось вдохновение. Ведь он считал себя поэтом, кроме всего прочего. Все святые – это люди, погибшие в то время за веру.

Так вот, первым христианам приходилось жить практически под землей или, как минимум, совершать там свои обряды, ритуалы. Поэтому под Римом находится еще один город – большой и обширный. Это катакомбы Рима, где мы видим первые изображения Иисуса. Мы видим, что пока они похожи на греческие изображения. Иисус первоначально изображается таким пастухом с овцами, что означало, что он пастырь, который призван вести за собой

людей. Эти изображения трехмерные, объемные. Они пока еще не иконописные. Постепенно, не скоро, вырабатывается символика, вырабатываются знаки, орнаменты. Окончательно вся эта знаковая система будет сложена в Византии, в византийском искусстве.

Что же было самым интересным в византийском искусстве? Это, конечно, сам Константинополь. Удивительный город, который тысячу лет никто не мог завоевать, настолько это была хорошо укрепленная крепость. Вокруг города была выстроена стена, она была трехрядная, и между этими крепостными стенами были рвы и водоемы. И со стороны моря, и со стороны суши это был очень хорошо защищенный город. Сегодня все это сохранилось. Конечно, сейчас Константинополь выглядит по-другому, это город Стамбул. Но и сегодня вы увидите в нем слои античной и византийской культуры, а потом уже – следы Османской империи, которая покорила Константинополь в XIV веке. Как любой большой город, он был взят в результате предательства, когда ворота были открыты изнутри, а не снаружи.

Так вот, в архитектурном смысле самое интересное сооружение Константинополя – это Святая София. Это вершина не только христианского, но и мирового зодчества. Но этому храму, конечно, предшествовали другие храмы.

Несколько слов я хотела бы сказать про церковь Сан-Витале в Равенне. Вообще, Равенна – это не византийский город. Это город, который находится на территории Италии и который какое-то время будет служить столицей Римской империи тогда, когда Рим будет сожжен. Так вот, церковь Сан-Витале в Равенне построена по типу римского дома, который назывался базилика. Здесь удивительные своды и прекрасные мозаики. Вот этот переход от настенных росписей к мозаике, он как раз происходит в Византии не случайно. Потому что мозаика – это особый вид живописи, нереалистичный, который сообщает изображению особую одухотворенность и сакральность. Византийская мозаика отличается от римской мозаики. Римляне тоже знали это искусство создания живописи из кусочков смальты. Но римская мозаика сливается в единое полотно, а византийская мозаика всегда сделана из кусочков смальты неправильной формы, разной толщины, и она почти всегда находится на полукруглых сводах. Поэтому она сверкает и излучает какой-то неземной свет, и ты веришь, что все, что перед тобой изображено – это небеса, это рай. Византийская мозаика отличается особой одухотворенностью и выразительностью.

В церкви Сан-Витале в Равенне есть мозаичное изображение императора Юстиниана и его супруги Феодоры. Если мы посмотрим на это изображение, мы поймем, что мозаика никогда не является портретом. Потому что из этого изображения мы не сможем понять, каким она была человеком, какой у нее был характер. Мы не сможем сказать, что она была дочерью циркового зрителя, и что у нее была бурная молодость перед тем, как она стала императрицей. Внимание византийского художника сосредоточено на другом – на ее статусе императрицы-матушки, а еще на связи власти и бога. Поэтому не случайно в Константинополе царский дворец был соединен с церковью. И это сразу демонстрировало, что вся власть сакральна, что вся власть от бога. И поэтому вокруг головы императрицы Феодоры мы видим такой нимб. Она причисляется к лику святых, потому что у нее совсем другая миссия на этой земле.

Что еще интересно в этом изображении? Мы видим, что византийская мозаика часто состоит не только из кусочков смальты, но и украшается камнями. Эти камни могут быть драгоценные, полудрагоценные, это может быть перламутр. Давайте вспомним, каким было освещение в этом соборе – это были свечи или факелы. И тогда мы поймем, насколько живым и зрелищным было это изображение при подобном освещении.

Мы видим, что византийский художник все время пренебрегает реальностью. Он все время переходит к такому уплощенному изображению нашего мира – к схематичному, знаковому изображению. Он опускает все подробности земной жизни, потому что ему важно символически передать все, что происходит. Он не думает про библейские сюжеты как про реальные, как про земные, как про человеческие. Он переводит их в совершенно другую категорию, в другой регистр.

Самое грандиозное архитектурное строение в византийской истории – это собор Святой Софии, который был построен в IV веке двумя античными архитекторами – Исидором из Милета и Анфимием из Тралл. Это были греческие по происхождению архитекторы, которым удалось невероятное – им удалось построить такую форму собора, такой тип собора, который мог бы служить любой религии. Он абсолютно универсальный. Не случайно поэтому, что с IV по XIV век

Айя София была христианским собором, а с XIV века по наше время она служит мечетью. И это практически без всяких перестроек. Снаружи собор, конечно, перестроили, но его внутреннее пространство не менялось.

Айя София – легендарное сооружение, его сегодня знает любой человек, который интересовался культурой человечества. Есть даже легенда о том, что когда русский князь Владимир выбирал религию для России, то он колебался, выбрать ему христианство или ислам. И решающую судьбу в том, что он принял христианство, и Русь вместе с ним приняла христианство, сыграл рассказ послов, которые как раз вернулись из Константинополя. Они поведали князю, что они были в раю, что они видели сказку, что они видели купол, на золотых нитях подвешенный к небу. Настолько это невероятная красота, невероятное пространство.

Что же нового придумали зодчие в этой архитектуре? Они придумали систему распределения силы тяжести. Потому что купол большой и тяжелый, но внутри ты не видишь опор, на которые он опирается. Ты не видишь столбов, ты не видишь монолитной стены, которую мы видели в Пантеоне. Потому что зодчие вынесли всю силу тяжести наружу здания. И поэтому снаружи собор держат такие каменные опоры, а вот внутри все пространство освобождено и поэтому залито светом. Сорок окон отделяют купол от остального пространства храма, и поэтому кажется, что он парит над землей. Мы видим удивительное созвучие всех линий и форм. Полукруглые арки, колонны – все лучшее, что было создано в античной архитектуре, применяется здесь. Только применяется совершенно по-другому. Собор Святой Софии – это образ рая на земле, и все здесь работает на этот образ. Все виды искусства здесь синтезируются, объединяются. Живописное убранство храма очень богатое, потому что в его отделке использовались разноцветные камни. Например, пол был сделан из мрамора изумрудного цвета. А колонны были порфиновые, красные. Конечно, это было удивительное зрелище. Это одна из самых грандиозных построек средневекового мира.

Несколько слов нужно сказать про иконы. Ведь иконопись и каноны икон формируются именно в Византии. Один из первых Пап Византийской империи Святой Григорий говорил, что росписи для храма – это Библия для неграмотных. Если мы вспомним, что большая часть населения Византии не владела грамотой, то понятно, какую важную роль играли эти росписи. Но нужно было сразу понять, что икона – это не портрет святого. И поэтому художник, который писал икону, уходил от нашего реального мира. Для этого были придуманы особые правила – например, обратная перспектива. Обратная перспектива – это когда линии сходятся не за спиной изображенного персонажа, а за спиной его зрителя. И такая обратная перспектива создает эффект присутствия или эффект перехода в другое пространство. Кроме того, в иконах нет освещения, нет объема, все очень упрощенно. И само лицо гипертрофировано – очень большие глаза, очень маленький рот, очень маленькие все остальные части лица.

Надо понимать, что в Византии зрителя сменил молящийся. И поэтому ни икона, ни мозаика не предназначались для того, чтобы вы ими любовались, как мы любим картину. Это портал для перехода в другой мир. Когда ты молишься, это такой момент абстрагирования от реальной жизни и перехода в другой мир, в духовный мир. Потому что искусство Византии говорит нам про душу человека, а не про его земную жизнь. Оно интересуется только духовной жизнью, а не нашей бренной земной жизнью. И потому искусство приобретает такие черты иносказательности, строгости.

Конечно, даже внутри этих канонов происходят изменения. Искусство поздней Римской империи, которое иногда называют Македонским Ренессансом, отличается повышенной декоративностью, праздничностью. Это узорчатость, орнаментальность, которая ничего не добавляет к пониманию смысла изображения, если ты не включен в эту систему. То есть, чтобы понимать иконы и мозаики, нужно, конечно, понимать христианскую систему координат. Систему ценностей, прежде всего. Потому что это не вполне обычное изображение.

Искусство Византии, как ни странно, стало вершиной античного искусства. Как ни странно – потому что, на самом деле, это противоположность античности. Но именно в Византии после падения Римской империи будут сохраняться, например, греческие тексты. Да и римские тексты на латинском языке. Здесь продолжают некоторые античные традиции. Если бы мы с вами попали в Константинополь, например VI века, то мы бы с удивлением обнаружили, что кроме христианских храмов там совершенно спокойно существуют обнаженные античные

скульптуры, которые находятся где-то в пространстве города. И вот такое соединение античного и христианского обеспечило Византии интересную историю и такую прочную позицию на целую тысячу лет.

Когда Византия падет, христианский мир к этому времени будет уже укреплен, он будет уже распространен на весь греческий мир, а также на Кавказе, в Армении, Грузии, Болгарии и, конечно, в России. Россия станет главной наследницей Византийской империи, именно поэтому вся древняя русская архитектура так похожа на византийскую. И русские иконы, конечно, продолжатели византийской иконописной традиции. Но лучшие иконописцы, как и лучшие художники – это те, кто, следуя традиции, преодолевает ее. Поэтому в русских иконах появятся свои гении. Андрей Рублев, Дионисий, Симон Ушаков – это те художники, которым не помешали внешние правила, которые все равно выражали в своем искусстве самое главное. Самую главную красоту, которая есть в искусстве – красоту человеческого духа.